

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85
EDN: KFRJRC

БЕЗРАБОТИЦА И ОЦЕНКА ПОТЕРЬ В ПРОИЗВОДСТВЕ ВРП В РЕГИОНАХ РОССИИ

Нанавян А. М., Лысенкова М. А.*

Центральный экономико-математический институт РАН
(117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47)

*E-mail: lysenkovam@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23–28–00235. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00235/>.

Для цитирования:

Нанавян А. М., Лысенкова М. А. Безработица и оценка потерь в производстве ВРП в регионах России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 4. – С. 73-85. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85; EDN: KFRJRC

Аннотация. В статье проанализирована продолжительность поиска работы безработными и представлена оценка потерь в производстве ВРП в регионах России. Потери в производстве ВРП рассчитаны с учётом выработки на одного занятого по численности безработных, сохраняющих свой статус более шести месяцев. Это позволяет производить оценку экономических последствий безработицы, связанных с наиболее опасной, длительной, безработицей. Отмечается сохранение значительной региональной дифференциации как по масштабам длительной безработицы, так и по выработке на одного занятого. Анализ произведён по данным «Обследований рабочей силы» Федеральной службы государственной статистики России. Наибольшая доля безработных с продолжительностью поиска работы более полугодя отмечается в республиках Северо-Кавказского федерального округа, а потери в процентах от ВРП — в Республике Ингушетия (в 2021 г. потери составили более 21%), минимальные потери в Санкт-Петербурге. Уровень безработицы в нашей стране снижается, однако во многих регионах доля безработных с продолжительностью поиска работы более полугодя остаётся существенной и составляет более 40% безработных, а в некоторых регионах в 2023 г. отмечено его увеличение. Для того, чтобы эти краткосрочные изменения не привели к росту длительной безработицы и в этих, и в других регионах, а также соответственно к увеличению потерь в производстве валового продукта и росту напряжённости на рынке труда в условиях цифровизации, необходимо и в дальнейшем уделять внимание этой проблеме и реализовывать меры по стимулированию и мотивации этих безработных, а также потенциальной рабочей силы к переходу в категорию занятого населения.

Ключевые слова: безработица, продолжительность поиска работы, регион, потери в производстве ВРП, оценка.

Введение

Безработица — одна из важнейших макроэкономических категорий, «оборотная» сторона занятости населения, своеобразный индикатор состояния экономики, реагирующий на сбои в функционировании механизмов рынка. Оценка этого явления осуществляется на основе общепризнанных в экономической литературе показателей численности безработных, а также уровня безработицы. Эти характеристики отражают текущее состояние безработицы, которая в России на современном этапе носит преимущественно добровольный характер¹. Однако уровень безработицы не позволяет получить полное представление о состоянии рынка труда, поскольку не учитывает продолжительность поиска работы.

С одной стороны, преимущественно добровольный характер безработицы в современных условиях остро ставит вопрос об эффективности высокой мобильности рабочей силы на рынке труда, оценке влияния этого фактора на развитие человеческого потенциала и качество экономического роста. Сбалансированное территориальное развитие, сглаживание социально-экономической дифференциации является одним из важнейших направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне.

С другой стороны, многие безработные сохраняют свой статус длительный период времени, то есть ищут работу более 12 месяцев, что приводит к значительным потенциальным потерям экономики от безработицы и издержкам по смягчению её социально-экономических последствий. Так, в январе 2024 г. доля лиц, которые искали работу более года, составляла 15,2% (или более 300 тыс. человек), причём, примерно 50% застойной безработицы — это лица в возрасте от 15 до 39 лет. В январе 2024 г. по сравнению с декабрём 2023 г. снизилась доля безработных, искавших работу от 1 до 3 месяцев, на 6,4 процентных пун-

¹ Уволившиеся по собственному желанию с прежнего места работы составляли в 2023 г. более 40% безработных, имеющих опыт работы.

кта (п.п.), и составила 26,9%, но увеличилась доля лиц, ищущих работу более 3-х месяцев². Это связано с ростом уровня занятости и в определённой степени с сезонным характером безработицы, но необходимо учитывать и риск увеличения продолжительности поиска работы. Динамика уровня безработицы и среднего времени поиска работы безработными в России представлена на рис. 1.

Кроме того, сохраняется значительная дифференциация показателей безработицы в регионах нашей страны. Вариационный размах по уровню безработицы в 2023 г. составлял 26,2 п.п. (27,8% — в Республике Ингушетия и 1,6% — в Санкт-Петербурге), по среднему времени поиска работы — 8,5 месяцев (11,5 мес. в Забайкальском крае, где более 60% безработных ищут работу более 12 месяцев, и 3,0 мес. в Ульяновской области).

Отметим также, что экономическая нагрузка занятых — соотношение численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, и занятого населения — в России выше, чем в странах СНГ. Значение этого показателя с учётом безработных ещё больше, то есть экономическая нагрузка зависит от безработицы, хотя для рассматриваемого периода характерно было сокращение уровня безработицы [1]. И, безусловно, следует учитывать влияние демографических факторов: продолжительность безработицы в значительной мере зависит от возраста человека и в старших возрастных группах среднее время поиска увеличивается (средняя продолжительность поиска работы молодёжи в возрасте от 15 до 24 лет на 1–2 п.п. меньше³, а у лиц старших возрастных

² Социально-экономическое положение России. Январь 2024 года // Росстат — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).

³ Безусловно, это несколько смягчает проблему молодёжной безработицы, но не означает, что эта проблема не актуальна. Поэтому в литературе уделяется большое внимание занятости молодёжи, а в докладе МОТ отмечается, что «... глобальный уровень безработицы среди молодёжи вернулся к допандемическому уровню; показатель 2023 г. в 13% представляет собой 15-летний минимум, и ожидается, что он будет снижаться и дальше. Это должно быть хорошей новостью. Однако, в то же время, молодые люди выражают большую озабоченность по поводу таких проблем, как отсутствие гарантий трудоустройства», что соответственно

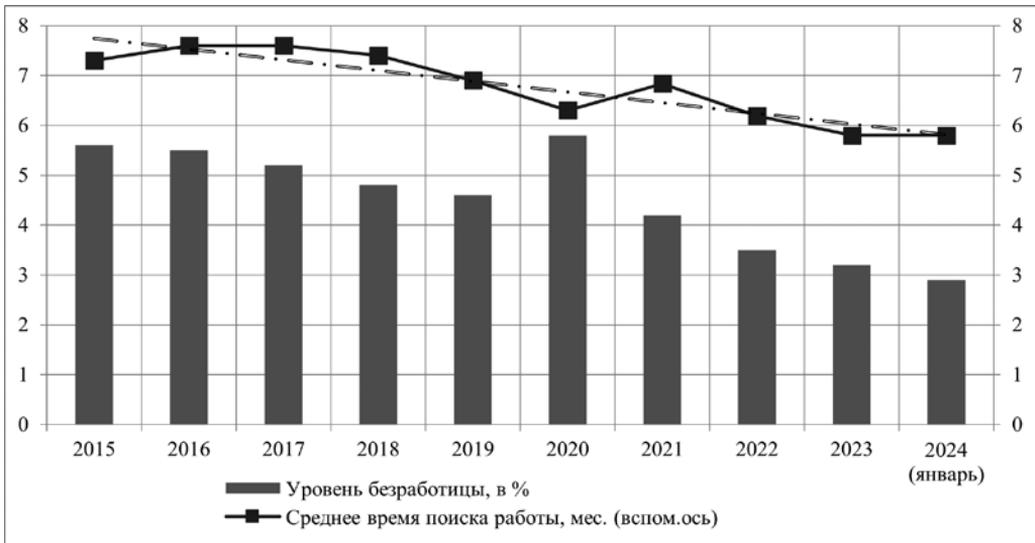

Рис. 1. Уровень безработицы и среднее время поиска работы безработными в России, 2015–2024 годы

Fig. 1. Dynamics of the unemployment rate and average job search time among the unemployed in Russia, 2015–2024

Источник: составлено по данным «Обследования рабочей силы» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04. 2024).

групп — больше среднего времени поиска работы безработными).

Кроме того, объёмы предложения рабочей силы на рынке труда сократились, а основные индикаторы функционирования российского рынка труда свидетельствуют о тенденциях снижения трудового потенциала, старении трудоспособного населения, сокращении численности населения в возрасте наибольшей экономической активности, а также об отрицательном воздействии этих процессов на динамику экономическо-

приводит/может привести к увеличению продолжительности поиска работы и негативным последствиям как для человека, так и для экономики страны. В материалах МОТ отмечается и то, что «...доля молодых работников, занятых в профессиях, которые не соответствуют их высшему образованию (несоответствие образования «чрезмерному образованию»), со временем увеличилась» (Источник: Youth employment: why are anxieties among young people growing even as youth unemployment rates fall? — URL: <https://voices.ilo.org/podcast/youth-employment-why-are-anxieties-among-young-people-growing-even-as-youth-unemployment-rates-fall#headline> (дата обращения: 03.04.2024)). Соответствие уровня образования и требований рынка труда, роль высшего образования в современных условиях — актуальная проблема и для российского рынка труда, которая сегодня привлекает внимание исследователей, но не входит в задачи данной статьи.

го развития. В экономике современной России, как и в большинстве развитых стран мира, ситуация на рынке труда складывается в условиях территориальных, отраслевых и профессионально-квалификационных диспропорций между спросом на рабочую силу и её предложением. В отраслях экономики (и регионах) структура рабочей силы и структура рабочих мест плохо «стыкуется» между собой. Рынок труда не сбалансирован: с одной стороны, существует нехватка рабочей силы и достаточно большое число вакантных рабочих мест, с другой — миллионы безработных, профессиональная или квалификационная подготовка которых не соответствует требованиям работодателей [2, с. 54]. Поэтому актуальность сохраняет вопрос о количественной оценке потенциальных потерь экономики от безработицы.

В экономической литературе недостаточно внимания уделяется исследованию движения населения на рынке труда, позволяющему учитывать динамичность этого явления, оценить масштабы наиболее опас-

ной продолжительной безработицы и определить эффективные пути её сокращения. В связи с этим и с учётом значительной региональной дифференциации безработицы в работе представлена оценка потенциальных потерь экономики от безработицы в регионах России.

Методология оценки потенциального ВВП и потерь экономики от безработицы

Взаимосвязь двух главных (наряду с инфляцией) показателей макроэкономики — производства и безработицы — давно привлекает внимание исследователей, что важно как в теоретическом, так и в практическом плане [3]. В системе макроэкономических взаимодействий одной из важнейших выступает взаимосвязь изменения объёмов производства и уровня безработицы, а фундаментальной основой исследования влияния спада производства на рост безработицы является закон Оукена, который измеряет циклический отклик на экономические шоки [4]. В литературе отмечается также и то, что пандемия коронавирусной инфекции как стихийный фактор оказала сильное дестабилизирующее воздействие на экономику и рынок труда [5], основное внимание уделялось вопросам восстановления экономики после пандемии, её влиянию на рынок труда (например, [6]).

В исследованиях показано, что краткосрочный «прирост выпуска на 1% приводит к снижению уровня безработицы приблизительно на 0,06 п. п. в течение трёх кварталов после того, как произошло изначальное изменение» [7], а несколько поздние расчёты [3] по результатам моделирования связи между показателями производства и безработицы показали, что в долгосрочной перспективе увеличение ВВП на 1% связано со снижением безработицы на 0,07–0,08 п.п., а рост ВВП в постоянных ценах на 1% ведёт к снижению показателя безработицы, измеренного в процентах, примерно на 1% — например, с 5 до 4,95%.

Для анализа потерь экономики страны от безработицы, как правило, рассчитыва-

ют потенциальный ВВП, который мог бы быть произведён безработными. Ориентиром выступает достижение полной занятости населения, когда безработица существует в пределах своего «естественного» уровня. Он определяется либо эмпирически — как средний уровень безработицы в стране за длительный период времени (например, 10 лет, как было подсчитано А. Оукеном, который сформулировал зависимость между темпом роста валового внутреннего продукта и темпом роста уровня безработицы⁴), либо как сумма структурной и фрикционной безработицы.

Однако в экономической литературе нет общепринятой методики определения естественного уровня безработицы [8]. Кроме того, величина естественного уровня безработицы, необходимая для расчёта потерь ВВП по формуле Оукена, периодически пересматривается [9]. Так, в начале 1960-х гг. она составляла 4% от численности рабочей силы, позднее рассматривался уровень 3–5%. В современных же условиях в литературе отмечается необходимость сокращения этого значения примерно на 1,5 п.п. [10], что связано с демографическими причинами, а именно — сокращением доли групп с высоким риском безработицы (например, молодёжи и лиц без образования) и, наоборот, увеличением доли групп с низким риском безработицы (например, обладателей вузовских дипломов).

В работах⁵ [11] мы отметили, что рынок труда в современных условиях динамичен и использовать среднее значение, например, за 10-летний период вряд ли правомерно, а уровень зарегистрированной безработицы в нашей стране значительно меньше, чем по данным обследований рабочей силы. Второй способ расчёта естественной безработицы как суммы структурной и фрикционной снимает проблему усреднения, но возникают «технические»

⁴ Okun A.M. Potential GNP: Its measurement and significance // Proceedings of the Business and Economic Statistics Section. — Alexandria, VA: American Statistical Association, 1962. — P. 98–103.

⁵ Бреев Б.Д., Костенко Т.Н., Нанавян А.М. Экономические последствия безработицы: оценка потерь // Общество и экономика. — 2002. — № 5. — С. 98–112.

вопросы. Статистические данные регистрируют несколько обстоятельств незанятости, по которым возможно определение структурной и фрикционной составляющей безработицы. В частности, численность лиц, уволившихся по собственному желанию, формально составляет фрикционную безработицу. Но определить, насколько увольнение добровольно, практически невозможно. Да и сокращение штатов и ликвидация предприятия также не могут быть признаны безусловной базой для расчёта структурной безработицы, так как не обязательно связаны со структурными изменениями в экономике. Поэтому целесообразным представляется дополнение оценки потенциальных потерь ВВП от безработицы по неоднозначной (при практических расчётах) оценке уровня естественной безработицы определением потерь ВВП следующим образом: 1) По основной группе риска — сохранившим статус безработного длительный период времени, что позволяет оценить риск безработицы для экономики страны с учётом динамики изменений на рынке труда. Кроме того, можно рассчитывать потенциальный ВВП с учётом задач исследования, то есть, например, по численности безработных, продолжительность поиска работы которых составляет полгода (критический период, после которого негативные последствия безработицы проявляются наиболее значительно), или по масштабам длительной (застойной) безработицы (год и более); 2) По выработке на одного занятого.

Как отмечалось выше, длительный период поиска работы (свыше полугодия) наиболее характерен для лиц старше 45 лет (в ещё большей мере — старше 50 лет.), причём женщины ищут работу немного дольше, чем мужчины (например, по данным обследований рабочей силы в 2021 г. — на 0,2 года, а в 2023 г. — на 0,1 года), а также для представителей определённых профессий. Использование показателя «выработка на 1 занятого» предполагает необходимость учёта того, что занятость во многом определяется структурой экономики (в том числе региональными и отраслевыми осо-

бенностями, специализацией экономики региона).

Эти и другие факторы могут оказывать значительное влияние на результаты оценки потерь в производстве ВВП, но, тем не менее, представляется, что расчёт этих потерь по численности безработных с учётом продолжительности поиска работы позволяет более полно оценивать напряжённость и риски на рынке труда. Использование же и второго показателя (выработки на 1 занятого) позволяет учитывать при этом и другие индикаторы экономического развития, а также оценивать потери от незанятости не только безработных, но и потенциальной рабочей силы (в частности, по численности лиц трудоспособного возраста, которые выражают желание работать).

Оценка потерь в производстве ВВП от безработицы

По данным «Обследований рабочей силы» Федеральной службы государственной статистики России оценка потерь в производстве ВВП от безработицы произведена по численности безработных, продолжительность поиска работы которых в 2021 г. составляла 6 и более месяцев, выработка на 1 занятого рассчитана в ценах 2016 года⁶.

На рис. 2 представлены потери от безработицы продолжительностью более 6-ти месяцев в регионах России в 2021 году. Отметим значительную региональную дифференциацию не только по абсолютному значению потерь от длительной безработицы, но и по доле этих потерь ВВП, что вполне понятно — в структуре ВВП по стране доля Москвы, например, составляет более 20%, а Чукотского АО и некоторых республик

⁶ ВВП пересчитан в постоянных ценах 2016 г., поскольку в 2021 г. была утверждена новая методология расчёта этого показателя, в соответствии с которой величина потребления основного капитала по отраслям экономики учитывается на основе текущей рыночной стоимости основных фондов, а также в состав ВВП включена стоимость жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья (приказ Росстата от 12.03.21 № 138 — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vYtIMnAa/metod-st-ys.pdf> (дата обращения: 17.09.2024)). Данные по региональным счетам за 2016–2019 гг. представлены по этой новой методологии.

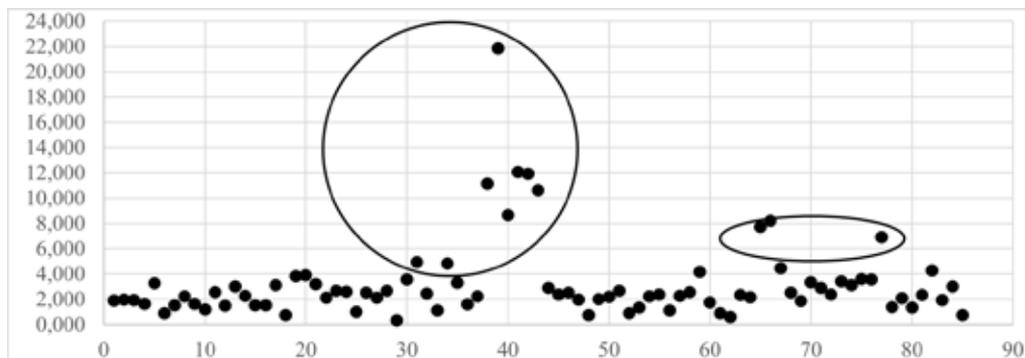

Рис. 2. Потери в производстве ВРП от безработицы продолжительностью более 6-ти месяцев, 2021 г., в % от ВРП (по оси абсцисс представлены регионы России)

Fig. 3. Losses in GRP production from unemployment lasting more than 6 months, 2021, in % of GRP (The regions of Russia are represented along the abscissa axis)

Источник: рассчитано по данным «Обследования рабочей силы» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; Национальные счета России в 2015–2022 годах: стат. сб./ Росстат. — Москва, 2023. — 419 с.

Северного Кавказа — 0,1%⁷. Однако в большинстве регионов нашей страны потери не превышают 4% от ВРП, а доля безработных, которые искали работу более 6-ти месяцев, либо значительно меньше, либо примерно равна среднероссийскому значению этого показателя (за исключением, например, Магаданской области, где она составляла более 80%, а также Ивановской и Волгоградской областей, Республики Хакасия — более 60%).

На рис. 3 представлены регионы России с минимальным и максимальным удельным весом безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев.

Наибольшая доля безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев отмечается в республиках Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), причём в Карачаево-Черкесской Республике и удельный вес этих безработных (более 85% безработных), и среднее время поиска работы (12,8 месяцев) значительно больше среднероссийского значения этих показателей, а также превышает их значения в дру-

гих субъектах этого федерального округа. Выработка на 1 занятого в Карачаево-Черкесской Республике больше, чем в Республике Ингушетия, но в процентах к ВРП в Ингушетии отмечены наибольшие потери (табл. 1, ранжирование произведено по значению потерь от продолжительной безработицы в % к ВРП).

Потери в производстве ВРП в Республике Ингушетия связаны, в первую очередь, с высоким уровнем безработицы. Несмотря на его сокращение, а также снижение среднего времени поиска работы, в Ингушетии почти половина безработных ищет работу более полугодя. Кроме того, в республике самая низкая выработка на 1 занятого, а потери в производстве ВРП от длительной безработицы в процентах к ВРП значительно больше, чем в других регионах страны.

В рассматриваемый период более 4% потерь в процентах к ВРП наблюдались ещё и в Астраханской области (4,8%), Республике Хакасия (4,5%), Курганской и Магаданской областях (4,2% и 4,3% соответственно), что в основном было связано с длительной безработицей, которая, как отмечалось выше, составляла в этих регионах более 60% безработных. Таким образом, максимальные значения потерь в производстве ВРП характерны для ре-

⁷ Полученные данные предоставляют возможность для сравнительного анализа региональных проблем безработицы. Кроме того, по-видимому, для субъектов РФ больший интерес могут представлять не относительные показатели, а абсолютные размеры недополученного валового продукта — Национальные счета России в 2015–2022 годах: стат. сб./ Росстат. — Москва, 2023. — 419 с. — С. 329.

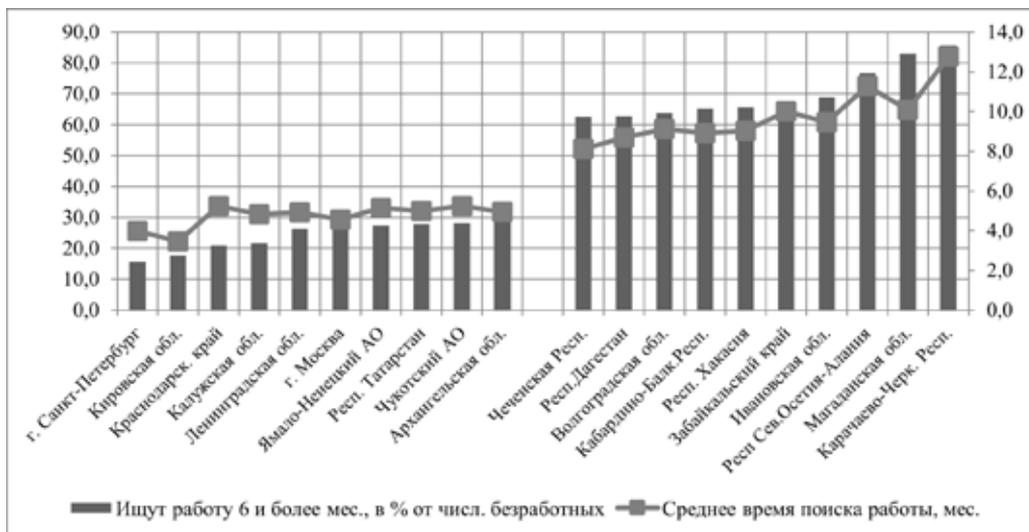

Рис. 3. Доля безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев (минимальные и максимальные значения) и среднее время поиска работы безработными в регионах России, 2021 год

Fig. 3. Proportion of the unemployed with job search duration of 6 or more months (minimum and maximum values) and the average time of job search by the unemployed in the regions of Russia, 2021
 Источник: составлено по данным «Обследования рабочей силы» // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04.2024).

Потери производства ВРП от длительной безработицы в регионах России, 2021 г., млн руб. (минимальные и максимальные значения)

Таблица 1

Losses in GRP production from prolonged unemployment in the regions of the Russia, 2021, million rubles (minimum and maximum values)

Table 1

Территория	Среднее время поиска работы, месяцев	Уровень безработицы, %	Выработка на 1 занятого, тыс. рублей	Безработные, 6 и более месяцев, тыс. человек	Потери в производстве ВРП	
					млн рублей	в %
Российская Федерация	6,8	4,8	1078,2	1624,6	17516,0	2,3
Минимальные значения						
Санкт-Петербург	4,0	2,0	1500,1	9,9	148,1	0,3
Ямало-Ненецкий АО	5,2	2,1	8961,1	1,8	162,2	0,6
Москва	4,6	2,6	2313,3	52,4	1212,0	0,7
Чукотский АО	5,2	2,6	2579,0	0,2	5,9	0,7
Респ. Татарстан	5,0	2,6	1047,5	14,9	156,2	0,8
Калужская область	4,8	4,0	838,2	4,7	39,3	0,9
Кировская область	3,5	4,9	547,5	5,4	29,7	0,9

Территория	Среднее время поиска работы, месяцев	Уровень безработицы, %	Выработка на 1 занятого, тыс. рублей	Безработные, 6 и более месяцев, тыс. человек	Потери в производстве ВРП	
					млн рублей	в %
Российская Федерация	6,8	4,8	1078,2	1624,6	17516,0	2,3
Ханты-Мансийский – Югра АО	5,6	2,6	3387,5	8,1	273,9	0,9
Ленинградская обл.	4,9	3,7	1104,8	9,7	107,3	1,0
Самарская область	5,7	3,5	793,3	18,0	143,2	1,1
Максимальные значения						
Республика Калмыкия	7,5	9,0	491,1	6,0	29,7	4,9
Забайкальский край	10,0	9,3	694,0	32,8	228,0	6,9
Республика Алтай	9,0	12,0	586,2	6,6	38,8	7,7
Республика Тыва	7,8	15,0	478,8	8,9	42,4	8,2
Кабардино-Балкарская Республика	8,9	11,7	362,4	34,5	125,0	8,6
Чеченская Республика	8,1	14,5	341,4	59,4	202,9	10,6
Республика Дагестан	8,7	15,1	537,6	129,6	696,9	11,1
Республика Северная Осетия-Алания	11,3	13,4	481,8	32,3	155,6	11,9
Карачаево-Черкесская Республика	12,8	12,3	393,5	22,4	88,3	12,1
Республика Ингушетия	7,2	30,9	292,2	40,2	117,5	21,8

Источник: рассчитано по: Обследование рабочей силы, 2021. // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04.2024).

гионов с высоким уровнем безработицы, при этом в большинстве этих субъектов РФ выработка на 1 занятого существенно меньше. Однако, в этой группе представлен Забайкальский край с более высоким значением выработки на 1 занятого, но в крае среднее время поиска работы составляет 10 месяцев и около трети безработных ищут работу 6 и более месяцев, что и определило большие потери в производстве ВРП в относительном выражении. Наибольший же объём потерь ВРП в Москве. А в СКФО — в Республике Дагестан, где уровень безработицы также довольно высокий, но при этом выработка на 1 занятого выше, чем в Республике Ингушетия, почти в два раза. В группе регионов с минимальными значениями потерь в производстве ВРП в 2021 г. отметим Кировскую

область, где небольшая выработка на 1 занятого, невысокий уровень безработицы и наименьшее среднее время поиска работы. В регионе более актуальным является проблема увеличения выработки на 1 занятого и производительности труда.

При предлагаемом подходе к оценке потерь ВРП необходимо учитывать объём выработки на 1 занятого, а также специфику региональной экономики и занятости населения. Так, в Москве и Московской области выработка на 1 занятого значительно выше, чем в среднем по стране, соответственно больше и объём потерь в производстве ВРП. Однако потери в производстве ВРП в относительном выражении незначительны.

Оценка потерь ВРП позволяет сделать вывод о том, что сохраняется региональная дифференциация как по выработке

на 1 занятого, так и по численности безработных, продолжительность поиска работы которых составляет более 6-ти месяцев. Несмотря на сокращение уровня безработицы, в некоторых регионах наблюдается значительная доля безработных, продолжительность поиска работы которых составляет более полугода. Сокращается также и доля безработных, ищущих работу более 12-ти месяцев, но в ряде регионов России составляет 40% и более, а в некоторых регионах в 2023 г. по сравнению с 2021 г. их доля увеличилась. Так, в Республике Бурятия прирост составил 12,5 п.п., в Забайкальском крае — 10,5 п.п., в Кировской области — 6,6 п.п. Это указывает на актуальность проблемы длительной безработицы и необходимость дальнейшей реализации активной политики на рынке труда даже в условиях сокращения уровня безработицы, создания достойных рабочих мест и условий для перехода безработных в категорию занятых. И, хотя для многих регионов России объём потерь в производстве ВРП небольшой, для отдельных регионов это может быть важным фактором смягчения ситуации на рынке труда. При этом, как подчёркивается в литературе, низкие значения безработицы характерны для регионов, близких к центрам экономического развития, а концентрация высокой и продолжительной безработицы происходит в периферийных регионах⁸. Соответственно, с учётом трудоизбыточности регионов СКФО, потери в производстве ВРП больше в Сибири и на Дальнем Востоке (на рис. 2 — справа), и меньше — в субъектах ЦФО (на рис. 2 — слева),

Таким образом, оценка потерь в производстве ВВП и ВРП по предлагаемой нами методологии позволяет определить масштабы этих потерь. Но, как отмечалось нами в [13] важнейшее значение при этом имеют пороговые значения — предельные величины, приближение к кото-

рым свидетельствует о нарастании угроз. Один из таких показателей — доля лиц, сохраняющих статус безработного более полугода. Анализ показателей безработицы и в современных условиях сокращения уровня безработицы позволяет предположить, что, если их доля не превышает 30% от численности безработных, то соответствующие потери в производстве валового продукта можно отнести к области пренебрежимого риска, а выше — чрезмерного риска, который может привести к росту издержек и потерь, вызванных безработицей⁹. Подтверждает эти выводы и то, что общий уровень безработицы в регионах с максимальными значениями потерь ВРП превышает значение этого показателя в целом по стране и, как правило, именно в связи с тем, что в этих регионах отмечается значительная длительная безработица (на рис. 4 представлены некоторые их этих регионов).

Наши расчёты показывают, что во многих регионах, в которых доля лиц, сохраняющих статус безработного более полугода, превышает 30%, потери в производстве ВРП больше 1%. Если же удельный вес этих безработных более 40% — потери в производстве ВРП увеличиваются до 2% и более. И, безусловно, сокращение выработки на 1 занятого не является задачей, которую необходимо решить для сокращения объёмов этих потерь, хотя сочетание двух показателей может как увеличить, так и сократить объём потерь от длительной безработицы. Например, по нашим расчётам в Ивановской и Волгоградской областях доля безработных, которые ищут работу более 6-ти месяцев, в 2021 г. составляла 69,0% и 63,8% соответственно. Однако выработка на 1 занятого была всего 380,6 и 593,7 млн рублей, что повлияло и на масштабы потерь от безработицы, которые составили 3,3% от ВРП этих регионов.

⁸ Lopez-Bazo E., Barro E.T., Artis M. Geographical Distribution of Unemployment in Spain // *Regional Studies*. — 2005. — No. 39. — P. 305–318; Blažek J., Netrdová P. Regional Unemployment Impacts of the Global Financial Crisis in the New Member States of the EU in Central and Eastern Europe // *European Urban and Regional Studies*. — 2012. — No. 19. — P. 42–61.

⁹ Здесь мы имеем в виду годовые данные, но необходимо учитывать сезонный характер безработицы (если, например, задачей исследования является мониторинг длительной безработицы и оценка потерь ВРП по ежемесячным данным). Также возможна и корректировка при оценке длительной безработицы по половозрастным и профессиональным характеристикам безработных.

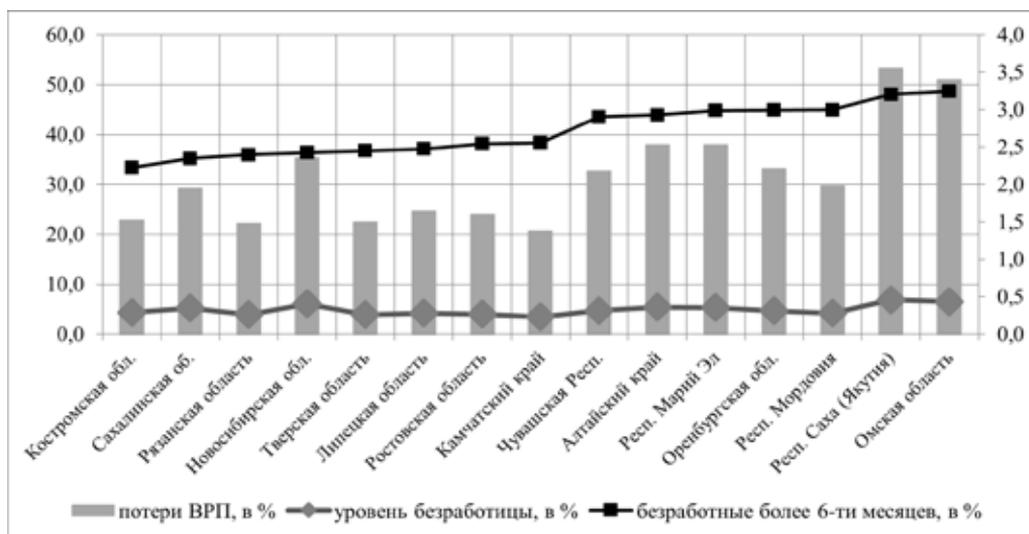

Рис. 4. Уровень безработицы и удельный вес безработных с продолжительностью поиска работы 6 и более месяцев в регионах России, 2021 год

Fig. 4. Unemployment rate and proportion of the unemployed with job search duration of 6 months or more in the regions of Russia, 2021

Источник: составлено по данным «Обследований рабочей силы»// Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 03.04.2024).

Заключение

Сокращение уровня безработицы должно сопровождаться уменьшением численности безработных, которые сохраняют свой статус длительный период времени. Продолжительность безработицы имеет особое значение при изучении этого явления и связано не только с потерями в производстве валового продукта, но и с потерей квалификации, устареванием знаний человека. Кроме того, длительная безработица может привести к снижению мотивации к поиску работы и экономической неактивности, то есть переходу в категорию лиц, не входящих в рабочую силу. Так, в структуре потенциальной рабочей силы наибольшая численность неактивного населения наблюдается в группе лиц, которые не ищут работу, но готовы приступить к работе. В 2021 г. их доля составляла 94,5% от численности потенциальной рабочей силы, а лица, которые ищут работу, но не готовы приступить к ней — всего 5,5%. В 2023 г. наблюдались незначительные изменения: доля лиц, ко-

торые не ищут работу, но готовы приступить к работе сократилась до 94,0%, а доля лиц, которые ищут работу, но не готовы приступить к работе увеличилась до 6,0%. В большинстве регионов в структуре потенциальной рабочей силы также преобладает доля лиц, которые не ищут работу, но готовы к ней приступить.

Таким образом, длительная безработица может привести (и приводит) к потерям в производстве валового продукта и дополнительным издержкам по смягчению социально-экономических последствий этого макроэкономического явления, а также региональной дифференциации, поскольку помимо прочего ухудшается морально-психологическое состояние человека и снижаются возможности эффективного развития региона в связи с неполным использованием рабочей силы и экономического потенциала. Это приобретает особое значение в современных условиях цифровизации и роботизации, наблюдающейся поляризацией рынка труда, когда в зоне риска оказываются некоторые про-

фессии, а также молодёжь, которая выходит на рынок труда и менее конкурентоспособна. При общем дефиците квалифицированных кадров, в регионах эти процессы значительно дифференцированы и риск длительной безработицы, а значит потери в производстве ВРП, напряжённость на региональных рынках труда могут увеличиваться.

Литература и Интернет-источники

1. **Нанавян, А. М.** Оценка экономической нагрузки на население и занятость в регионах России / А. М. Нанавян // Общество и экономика. — 2023. — Вып. 7. — С. 22–36. DOI: 10.31857/S020736760026571-7; EDN: JLQNJX
2. **Красинец, Е. С.** Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия / Е. С. Красинец, Т. В. Шевцова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 52–62. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5; EDN: OBCYUQ
3. **Вакуленко, Е. С.** Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углублённый анализ закона Оукена для России / Е. С. Вакуленко, Е. Т. Гурвич // Вопросы экономики. — 2015. — № 3. — С. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-5-27; EDN: TKIMTL
4. **Блинова, Т. В.** Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России / Т. В. Блинова, В. А. Русановский, В. А. Марков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 6. — С. 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11; EDN: LDVRYX
5. **Топилин, А. В.** Динамика и региональные особенности восстановления рынка труда в период COVID-19 / А. В. Топилин, О. Д. Воробьёва // Экономика региона. — 2023. — № 1. — С. 85–98. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-7; EDN: KPKUFE
6. **Аганбегян, А. Г.** Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию / А. Г. Аганбегян, А. Н. Клепач, Б. Н. Порфирьев, М. Н. Узяков, А. А. Широв // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 6. — С. 18–26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26; EDN: VDIXR
7. **Ахундова, О. В.** Опыт оценки естественного уровня безработицы в экономике России. / О. В. Ахундова, А. Г. Коровкин // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2006. — Т. 4. — С. 488–507. EDN: KWODYV
8. **Винокуров, Е. Ф.** К вопросу об определении уровня естественной безработицы // Экономическая наука современной России. — 2012. — № 1(56). — С. 62–72. EDN: NKSZSE
9. **Полякова, И. А.** Оценки ущерба от безработицы в условиях мировых глобальных вызовов и направления социального предпринимательства / И. А. Полякова, Г. А. Бондаренко // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. — 2020. — Т. 1. — № 1. — С. 41–52. DOI: 10.18334/social.1.1.110948; EDN: FQIRET
10. **Гимпельсон, В. Е.** Российская модель рынка труда: испытание кризисом / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Журнал НЭА. — 2015. — № 2(26) — С. 249–253. EDN: UBFBIJ
11. **Нанавян, А. М.** Безработица в России: риски и экономические последствия / А. М. Нанавян // Экономическая наука современной России. — 2007 — № 4(39). — С. 70–78. EDN: IJTHXX

Сведения об авторах:

Нанавян Ашхен Мардиросовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ashchenn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8681-6884; РИНЦ SPIN-код: 1885–4513.

Лысенкова Мария Александровна, к.э.н., научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lysenkovam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2381-9807; РИНЦ SPIN-код: 6783–9408.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85

UNEMPLOYMENT AND GRP PRODUCTION LOSSES ASSESSMENT IN RUSSIAN REGIONS

Ashkhen M. Nanavyan, Maria A. Lysenkova*

Central Economics and Mathematics Institute RAS
(47 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418)

*E-mail: lysenkovam@gmail.com

Funding:

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–28–00235. URL: <https://rscf.ru/project/23–28–00235/>.

For citation:

Nanavyan A. M., Lysenkova M. A. Unemployment and GRP production losses assessment in Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 73-85. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-73-85 (in Russ.)

Abstract. *The paper analyzes duration of the search for work by the unemployed and presents estimation of the GRP losses in production in Russian regions. Losses in GRP production are calculated taking into account the output per 1 employed in terms of the number of unemployed who retain their status for more than 6 months. This allows us to assess the economic consequences of unemployment connected with the most dangerous – long-term – unemployment. There is significant regional differentiation both in terms of the scale of long-term unemployment and of output per one employed, while the unemployment rate in our country is declining. The analysis was made according to the data from the «Labor Force Surveys» of the Federal State Statistics Service of Russia. The largest share of unemployed with a job search duration of more than six months is recorded in the republics of the North Caucasus Federal District, and losses in the production as a percentage of GRP are in the Republic of Ingushetia (in 2021, the losses made more than 21%). Minimal losses are registered in St. Petersburg. Although the unemployment in our country is declining, in many regions the share of unemployed with job search duration of more than six months remains significant and amounts to more than 40% of the unemployed, and in some regions it increased in 2023. So that these short-term changes do not lead to an increase in long-term unemployment in these and in other regions, as well as, accordingly, to an increase in losses in the production of gross product and an increase in tension in the labor market in the context of digitalization, it is necessary to continue paying attention to this problem and implement measures to stimulate and motivate these unemployed, as well as a potential labor force, to move into the category of employed population.*

Keywords: *unemployment, job search duration, region, losses in GRP production, assessment.*

References and Internet sources

1. Nanavyan A. M. Otsenka ekonomicheskoy nagruzki na naseleniye i zanyatost' v regionakh Rossii [Economic inactivity and assessment of the economic burden on the population in the regions of Russia]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economy]*. 2023. № 7. P. 22–36. DOI: 10.31857/S020736760026571-7 (in Russ.)
2. Krasinets E. S., Shevtsova T. V. Trudovaya immigratsiya i rynek truda v sovremennoy Rossii: problemy vzaimodeystviya [Labor immigration and labor market in modern Russia interaction: problems]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 52–62. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5 (in Russ.)

3. Vakulenko E., Gurvich E. Vzaimosvyaz' VVP, bezrobotitsy i zanyatosti: uglublennyy analiz zakona Okuna dlya Rossii [The relationship of GDP, unemployment rate and employment: in-depth analysis of Okun's law for Russia]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2015 No. 3. P. 5–27. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2015-3-5-27 (in Russ.)
4. Blinova T.V., Rusanovsky V.A., Markov V.A. Otsenka reaktsii tsiklicheskoй bezrobotitsy na ekonomicheskiy spad i vosstanovitel'nyy rost v Rossii [Assessment of the reaction of cyclical unemployment to the economic decline and recovery growth in Russia]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2020. Vol. 15. No. 6. P. 184–198. DOI: 10.15838 / esc.2020.6.72.11 (in Russ.)
5. Topilin A.V., Vorobyova O.D. Dinamika i regional'nyye osobennosti vosstanovleniya rynka truda v period COVID-19 [Dynamics and regional features of labor market recovery during COVID-19]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2023. No. 19 (1). P. 85–98. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2023-1-7 (in Russ.)
6. Aganbegyan A. G., Klepach A. N., Porfiryev B. N., Uzyakov M. N., Shirov A. A. Postpandemicheskoye vosstanovleniye rossiyskoy ekonomiki i perekhod k ustoychivomu sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu [Post-pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*. 2020. No. 6. P. 18–26. DOI: 10.47711 / 0868-6351-183-18-26 (in Russ.)
7. Akhundova O.V., Korovkin A. G. Opyt otsenki yestestvennogo urovnya bezrobotitsy v ekonomike Rossii [An attempt to estimate the natural rate of unemployment in the Russian economy]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting RAS]*. 2006. Vol. 4. P. 488–507. (in Russ.)
8. Vinokurov E.F. K voprosu ob opredelenii urovnya yestestvennoy bezrobotitsy [On the natural rate of unemployment estimation problem]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*. 2012. No. 1(56). P. 62–72. (in Russ.)
9. Polyakova I.A., Bondarenko G.A. Otsenki ushcherba ot bezrobotitsy v usloviyakh mirovykh global'nykh vyzovov i napravleniya sotsial'nogo predprinimatel'stva [Assessing the damage caused by unemployment in the context of global challenges and the direction of social entrepreneurship]. *Sotsial'noye predprinimatel'stvo i korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility]*. 2020. Vol. 1. № 1. P. 41–52. DOI: 10.18334 / social.1.1.110948. (in Russ.)
10. V.E. Gimpelson. R. I. Kapelyushnikov. Rossiyskaya model' rynka truda: ispytaniye krizisom [Russian model of the labor market: crisis test]. *Zhurnal NEA [Journal of the New Economic Association]*. 2015. No. 2 (26). P. 249–253. (in Russ.)
11. Nanavyan A. M. Bezrobotitsa v Rossii: riski i ekonomicheskiye posledstviya [Unemployment in Russia: risks and economic consequences]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*. 2007. № 4 (39). P. 70–78. (in Russ.)
12. Information about the authors:

Nanavyan Ashken Mardirosova, Candidate of Economics, Leading Researcher, Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ashchenn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8681-6884; Elibrary SPIN-code: 1885–4513.

Lysenkova Maria Alexandrovna, Candidate of Economics, Researcher, Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lysenkovam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2381-9807; Elibrary SPIN-code: 6783–9408.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024, утверждена 01.11.2024, опубликована 30.12.2024.